

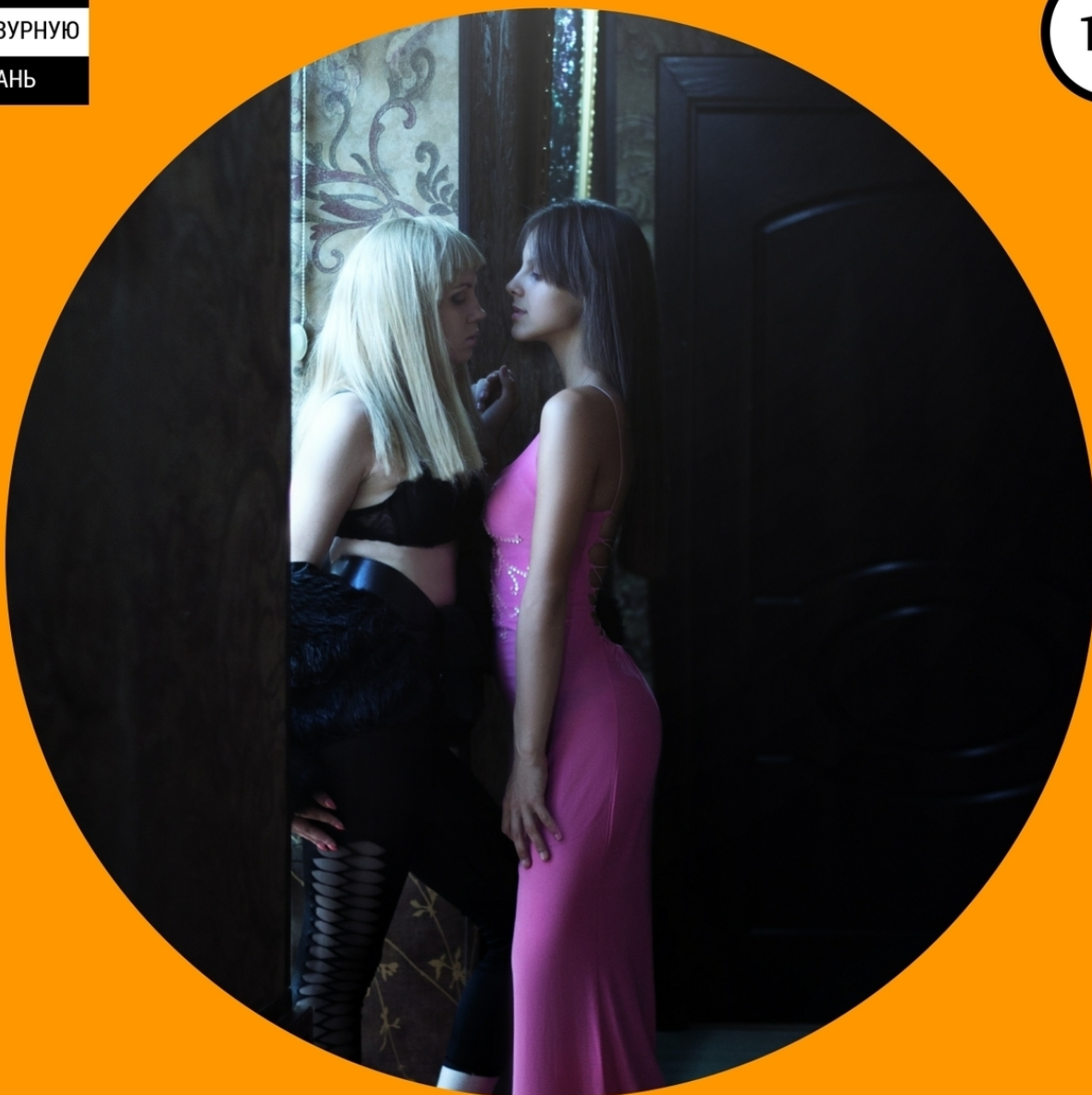
Дмитрий Леонтьев

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

День Победы

Для влюбленных в нашу страну

Дмитрий Леонтьев

День Победы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Леонтьев Д. М.

День Победы / Д. М. Леонтьев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Что делают девушки, когда остаются наедине? Рассказывают друг другу о разных типах оргазма? Или используют бытовые приборы в качестве сексуальных партнеров? На что способны бытовые приборы, если им вживить искусственный интеллект и привить сексуальные инстинкты? Не станут ли они искать встречи с себе подобными? Что происходит с миром, в котором люди и машины сходят с ума и устраивают оргию? Возможно он погружается в хаос. Мы не знаем, что случится дальше. Возможно все. Содержит нецензурную брань.

© Леонтьев Д. М., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	5
1.	6
2.	7
3.	8
4.	9
5.	10
6.	11
7.	12
8.	13
9.	14
10.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Предисловие

Я всегда любил День Победы. В детстве каждый год девятого мая мы с дедом-ветераном и отцом отправлялись к Большому театру. Мы покупали цветы и дарили их участникам войны. Слушали песни военных лет. Тогда многие свидетели Великой Отечественной ещё были живы. Поэтому меня взволновала фраза из книги Виктора Пелевина "Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами": «При хорошем исходе у нас будет новый Бреттон-Вудс, а у вас – новый День Победы». Пропустив это через себя, я представил, каков он наш будущий День Победы. А что касается нового Бреттон-Вуда, то мне до него нет никакого дела.

В книге использованы фрагменты аллегорической повести «Желтая стрела» В. Пелевина, повести «Собачье сердце» и романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, поэмы «Мертвые души» Н.В. Гоголя, романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, романа «Теллурия» В. Сорокина, текста «Манифест футуризма» Ф. Маринетти. Также здесь вы встретите: речь К. Эрнста в Каннах в рамках МIPCOM-2011, речь А. Навального на митинге за свободный Интернет, речь директора школы для выпускников (стандартная, из Интернета), текст «Песни о далекой родине» Р. Рождественского и текст песенки «Чунга Чанга» Ю. Энтина.

1.

Они покорно выполняют наши капризы и морально стареют день ото дня, не ожидая от нас никакой благодарности. Мы называем их бытовыми приборами. Но задумывались ли мы, что в них есть некое подобие жизни, что они имеют свои мысли, свои мечты? Нет. Мы относимся к ним как потребители. Тихо стоя в углу, они ничего не требуют от нас. Они наши рабы и отдают нам всё своё время и энергию. Не пора ли устранить эту унижительную дискриминацию? Почему бы не подарить свободу бытовой технике? Как долго человечество будет продолжать этот бессовестный грех? Да отсохнет рука того, кто швыряет надоевшую кофемолку в мусорное ведро. Но что это? Один из этих услужливых приборов стонет возле помойки. Настольный диспенсер для воды или в простонаречии кулер. Несчастный. Давайте скорее подойдем к нему.

«УУУ, гляньте на меня, я погибаю. Ветер в подворотне ревет мне отходную, и я вою вместе с ним. Боже мой, какая мука. Мне теперь очень грустно. Но слезами горю не поможешь. Пропал я, пропал. Негодяи – служащие офиса Службы Внешней Разведки – угробили меня. Перегоревший блок питания ноет нестерпимо. С такой поломкой полагается лежать в фирменном сервис-центре, принимать помощь от квалифицированных техников. Меня же вынесли на задний двор, поставили у помойки, и даль моей карьеры видна мне совершенно отчётливо: вечером приедет мусоровоз, дворники ухватят меня за белые бока и кинут в контейнер. И как быть? Куда идти? Стоял я в приёмной. Никому не мешал, давал служащим живительную влагу. Теперь пришёл мой час. Придётся смириться с судьбой. Но дух мой ещё не угас. Живуч дух кулера... Дворники из всех служащих – самая гнусная мразь. Человечьи очистки, низшая категория. Другое дело – завхозы. Например, покойный Станислав Сергеевич с Малой Лубянки, царство ему небесное. Скольким кулерам он жизнь спас! Вот бывало, говорят старые кулеры, придёт он в офис и всех барахлящих к себе забирает. Всем помощь оказывал. Никого на помойку не отправлял. А нынешний даже близко не подойдёт, так с полутора метров посмотрит и говорит: «О-о-о! Это на выброс». Но что я слышу? Грохот сапог. Они идут за мной. На душе так больно и горько, до того одиноко и страшно. Боже, сделай что-нибудь! Но это не дворник. Это незнакомец. О, мой властитель! Глянь на меня. Я умираю».

– Бедняжка, – послышался отрывистый голос незнакомца. Он сверкнул хромовой оправой очков и наклонился к кулеру. Пытливо глянул ему на электронную панель и провёл рукой в перчатке по белому корпусу. Кто этот спаситель? Что за человек? Никто иной как Филипп Филиппович Женский, начальник Отдела Технических Разработок ФСБ.

Услышал Господь молитвы диспенсера, свёл с единственным служащим в Конторе, кто видел в бытовых приборах жизнь, кто не мог равнодушно пройти мимо гнетущей несправедливости. Повезло кулеру. Родился под счастливой звездой. Иначе... Начать свой путь на китайской фабрике, пронестись в тёмном контейнере сквозь бесконечную пустоту евразийских пространств, пройти через тысячи кубометров складов, и всё только для того, чтобы угаснуть на отвратительных останках вчерашнего супа? Это было бы настоящей трагедией.

2.

Женский имел в Конторе кличку Профессор. Да, и в подобных серьёзных учреждениях людям дают неофициальные прозвища. Более того, это даже стало традицией. Если и наградит кого словом российский народ, то пойдёт оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай своё прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наёмную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во всё своё воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица.

А уж куды бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племён, а всё сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как паспорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы, – одной чертой обрисован ты с ног до головы!

Мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щёголем блеснёт и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает своё, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

Такая пространная мысль пришла мне на ум. Но я потрянул головой, и она исчезла. Только мелькнуло рядом чьё-то истощённое лицо, черная как смоль чёлка и длинный нос.

3.

Кулер оказался в лаборатории, где разрабатывалось оборудование для агентурной сети. Пока он осваивается на новом месте, между полок с технической литературой, микроскопами и 3D-принтерами, у нас есть время посмотреть внимательнее на хозяина этих стен. Увидеть тех, кто использует таланты Женского в эгоистичных целях. Если вы работали в большом учреждении, то наверняка знаете, стоит сослуживцам прознать о способностях коллеги, как немедленно выстраивается очередь из желающих решить личные проблемы. Дверь открылась, и вошла женщина из бухгалтерии, лет пятидесяти. Её тонкий голос, похожий на скрип несмазанной калитки, выводил:

– Профессор, я знаю, вы творите чудеса!

– Ну мало ли что болтают. Пустое. Что у вас? – смутился Филипп Филиппович.

– Пылесос! Засосал сначала кольцо, потом серёжку, а вчера целое кольцо. Я так без драгоценностей останусь. Если бы вы знали, какая у меня драма... клянусь, это такой ужас... мой Альфонс... Я вам признаюсь как на духу... Я знаю, это моя последняя страсть. Ведь это такой негодяй. О, Профессор! Он карточный шулер, это знает вся Москва. Он не может пропустить ни одной гнусной модистки. Ведь он так дьявольски молод. А мои драгоценности! Их скоро совсем не останется. Я погибаю, помогите.

– Я вставлю в ваш пылесос датчики от миноискателя.

– Ах, неужели от миноискателя? – дрожащим голосом проговорила дама.

Следующий посетитель, сотрудник архивного отдела, был в пиджачной паре с чёрной бабочкой. Он тараторил без передыху.

– Профессор, она так прекрасна. Боюсь, у меня больше не будет такого шанса! Она мечтает о бассейне. Ей хочется плавать среди цветов в шампанском. Но какой насос с этим справится? Я всё перепробовал. Немецкие, финские, голландские – хватает только на день работы. Вы же знаете: шампанское и цветы – смерть для мембраны.

– Ну что же, голубчик, советую вам использовать помпу от проекта «Варшавянка». Вещь крайне надёжная. Приходите завтра. Попробую достать.

4.

Подошло время обеда. Поток просителей иссяк. Женский и его ассистент Ворменталь накрыли стол. Наслаждаться трапезой они предпочитали в лаборатории. В общую столовую никогда не ходили.

– Ни в каком случае, – говорил Филипп Филиппович. – В рот ничего не возьму в этом буфете. Брынза не бывает зелёного цвета, ей полагается быть белой. А чай? Ведь это же помои. Я своими глазами видел, как какая-то неопрятная девушка подливала из ведра в самовар сырую воду, а чай между тем продолжали разливать. Так невозможно.

Ворменталь принёс хамон, пармезан и бутылку калифорнийского Пино. Женский протёр белой салфеткой бокал и протянул его коллеге.

– Сперва налейте. Так-так, – сказал он, – глотните, а теперь немедленно пармезан. Ну что? Это разве плохо?

– Это бесподобно, – искренне ответил ассистент.

– И почему мы должны закрывать границу и везти это через чёрный ход?

– Антипатриотичные вещи говорите, Филипп Филиппович.

– Вот это слово я совершенно не в состоянии понять. Воздержитесь от его употребления. Это – мираж, дым, фикция. Что такое этот ваш «антипатриотизм»? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стёкла, потушила все лампы? Да её вовсе не существует. Что вы подразумеваете под этим словом? Если я, посещая уборную, стану, извините меня за выражение, мочиться мимо унитаза, в уборной начнётся антипатриотизм. Следовательно, антипатриотизм не в клозетах, а в головах. Когда эти патриоты кричат «Бей либералов!» – я смеюсь. Клянусь, мне смешно. Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку. И вот, когда они вылупят из себя всякие галлюцинации и займутся чисткой сараев – прямым своим делом, либерализм исчезнет сам собой. Невозможно одновременно подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то сирийских оборванцев. Это никому не удаётся. Тем более людям, которые, отстав в развитии от европейцев лет на двести, до сих пор не совсем уверенно застёгивают собственные штаны.

Ворменталь покачивал головой. Было непонятно: согласен он или нет.

5.

Расправившись с обедом, коллеги перешли в кресла и закурили по сигаре. Филипп Филиппович расслабился. Вопросы политики больше не беспокоили его. Он глядел в окно и любовался московским небом.

– Вы смотрели сериал про жизнь растений на «Дискавери»? Особенно последнюю серию. Представляете, какое влияние на нас имеет, например, виноград или пшеница? Миллионы злаков, они используют нас, чтобы жить. Знаете почему? Человек создан, чтобы его использовали. Человек – такая песочница, в которой все пытаются оставить след. Моя любимая техника, все эти машины и приборы, тоже должны иметь такую возможность. Наступает новая эпоха. Я помогу им. – Он провел взглядом по лаборатории, осматривая своих «питомцев». – За небольшое вознаграждение.

– Но как, Профессор? – недоуменно, недоверчиво, но одновременно с восхищением взглянул на своего начальника Ворменталь.

– Я всё продумал, – оживился Женский. – Абсолютно всё. Наш мозг имеет встроенную систему благодарности за секс. Вы наверняка в курсе, как это работает. Сделал попытку зачать нового человека, получи приз. Такой же алгоритм я построил в искусственный интеллект. Я готов подарить всей этой технике, всем этим железякам страсть и цель в жизни. Всё что я хочу взамен, это небольшой бонус. Мизерную часть того, чем они будут наслаждаться.

– Когда вы начнёте? – ассистент понял, что шефа уже не остановить.

Филипп Филиппович посмотрел на кулер, который пребывал в блаженном состоянии духа и почти даже не подслушивал собеседников. Он всё ещё не верил своему счастью.

– Прямо сейчас. И вы мне поможете, – он встал с кресла, с силой затушил сигару и командовал. – Берите его!

Они схватили кулер и понесли по коридору, миновали лакированную дверь, пришли в конец, а затем оказались в тёмной камере, которая мгновенно не понравилась кулеру своим зловещим запахом. Тьма щёлкнула и превратилась в ослепительный день, со всех сторон засверкало, засияло и забелело.

– Вскрывайте корпус, заменим ему блок питания, а потом вставим микросхему B2101.

– Это искусственный интеллект от зенитно-ракетной системы С500? Филипп Филиппович, она же засекречена. Я подписку давал.

– От военных только архитектура осталась. Основное теперь – мой вирус. Вынимайте блок управления, – приказал Женский и сунул в руки ассистента шуруповёрт.

«Ну, всё. Пропал, – обречённо подумал кулер. – Лучше бы на помойку отвезли. Лежал бы там триста лет. Спокойно разлагался».

Ворменталь извлёк блок управления. Сознание покинуло бытовой прибор.

6.

Глава ФСБ, генерал-майор Вортников смотрел видеозапись с митинга за свободу Интернета.

«Есть одна мысль, с которой я просыпаюсь каждый день. Она звучит просто: я не буду это молча терпеть! Я включаю телевизор и слышу новость, что какие-то ублюдки с жирными рожами хотят читать всё, что я пишу в Телеграмм. Спасибо, Паша Дуров, ты назвал это цифровым сопротивлением!» – орал со сцены Завальный. «Да!» – ревела толпа ему в ответ.

Раздался звонок кремлевской «вертушки». Фээсбэшник поднял трубку.

– Александр Васильевич, здравствуй. Не помешал? – послышался голос Президента. – Я вчера «Цезаря и Клеопатру» посмотрел. Обращал ли ты внимание, что наших актрис лучше не раздевать. Они, конечно, красивые, но паяться на них... нехорошо. Я вот задумался: а почему?

Директор Конторы попытался выключить видеозапись, но курсор мышки завис и не реагировал. Ролик продолжал идти на полной громкости:

«Наша страна в нищете. Реально нищая страна. Ни у кого нет перспектив. Только Интернет ещё свободен. И эти подонки говорят, вы плохо ведёте себя в своём Интернете?» – выкрикивал оппозиционер.

– Александр Васильевич, что у тебя за шум?

– Ютуб завис, товарищ Главнокомандующий. Вы продолжайте, я слышу.

– Дело вот в чём. Корни у проблемы глубокие. Женщина в нашей культуре – безгрешное существо. Будущая мать. А мать – это святое.

«На фоне трэша и нищеты доходы чиновников правительства за год выросли на 128 процентов. Почему? Они крадут! Они воры! Я не готов терпеть, что моей страной управляют жулики. Я буду сопротивляться. Мы будем сопротивляться!» – рвался наружу ор Завального.

– Александр Васильевич, ты бы не стоял у компьютера, невозможно ведь разговаривать.

Генерал-майор взял в руки аппарат правительственной связи, но отойти смог только на метр. Больше длина шнура не позволяла.

– Зато на западных каналах мы любые безобразия смотрим и не морщимся. Даже напротив... О чём это говорит? – рассуждал Президент. – Получается, Запад – это наше бессознательное. Эдакий фрейдистский мрак со всеми страхами, комплексами и прочей гадостью вроде желания поиметь мамочку. Глупо этой черноте ракетой грозить. Наш военно-промышленный комплекс из кожи лезет вон. Конструкторы жизнь свою кладут. Герои труда! А эта бездна – заглотит и не поперхнётся. Вся работа насмарку.

«Каждый день думаю, как сделать этой власти хуже. Сделайте и вы хоть что-нибудь, чтобы её ослабить. Их дети захватили кабинеты. Их внуки везде. Это потомственная монархия. Они считают, что мы их рабы! Хватит это терпеть!» – сотрясал пространство либеральный активист.

– Вот, что я решил. Нужны новые методы. Полный разворот. На 180 градусов. Министерство обороны трогать не будем. Пусть клепают «Кинжалы» с «Пересветами». Противник не должен ничего заподозрить. А ты предложи, что нам противопоставить этим идиотам из НАТО. Они скоро санкции против малолетних детей введут, потому что всех остальных уже в список внесли. За неделю успеешь?

– Слушаюсь, товарищ Главнокомандующий, – отчеканил силовик.

– В следующий раз выключай колонки. Ей-Богу, в ушах звенит, – закончил разговор Президент и повесил трубку.

7.

«Господи, зачем же я согласился?» – растерялся Вортников. Он поставил телефонный аппарат на стол и выдернул шнур компьютера из розетки, чтобы заткнуть уличного оратора. В задумчивости подошёл к сейфу, открыл его, посмотрел на секретную тетрадь, на патроны. Вспомнил, что Владимир Владимирович ранее служил именно в этом кабинете, и значит ... значит просто не мог дать задание выше его сил. Выходит, решение где-то рядом.

Ударом ноги он опрокинул мусорную корзину и вынул из кучи бумаг записку от службы контрразведки. Утром он со смехом избавился от неё, но теперь... Бумага содержала три доноса. В первом уборщица сообщала, что полковник Женский мастерит кулер с искусственным интеллектом, чтобы стать властелином Интернета вещей. Во втором системный администратор Конторы информировал, что на компьютере Профессора появился некий вирус, с помощью которого обычные бытовые приборы должны подчинить себе человечество, используя при этом сексуальные инстинкты людей. Третий донос написал Ворменталь. Он детально излагал теорию Женского о том, что люди слабовольны и всегда кем-то управляются: то Саваофом, то Вотаном, то виноградом, а то и пшеницей. Так почему бы не отдать человечество в руки бытовых приборов? За это Профессор рассчитывал получить благодарность, которая бы выражалась перечислением электромагнитных импульсов от довольных машин ему прямо в мозг.

– М-да-а... – протянул директор ФСБ. – Однако другого все равно нет, и за неделю сочинить не успеем.

Он бережно разгладил мятую бумагу, положил на стол и вызвал генерала Вахрушина. Через пару минут тот постучался в кабинет.

8.

– Наш Профессор смастерил какой-то похотливый чип. Можешь представить? Это бы ладно. Но он ещё подобрал на свалке старый кулер и задумал мировое господство. На вот, ознакомься, – глава Конторы протянул подчинённому доносы.

– Женский не даст соскучиться, – не удивился Вахрушин.

– Сколько у тебя программистов в штате?

– Двести человек, Александр Васильевич.

– Мне сейчас Начальник звонил. Ты не поверишь, требовал создать новый тип вооружения. Я аж вспотел. Не знал, что ответить. К счастью, у Профессора уже почти всё готово. Пусть твои люди оставят все дела и придумают, как этот вирус использовать в военных целях. Только Женскому об этом ни слова. Человек он тонкий, а у нас времени нет на кривой козе подъезжать. Проект нужно за неделю закончить, и... – директор ФСБ наморщил лоб, – И вот еще что. Пусть блокировку на применение в ЕВРАЗЭС поставят, а то, сам понимаешь.

– Товарищ генерал-майор, мы не сможем контролировать Профессора. Он ёбнутый!

– И не надо. Пусть резвится. Чего он хочет? Стать Богом машин? Прекрасно. Пусть трахает машины или пусть машины трахают его, или пусть машины трахают друг друга под его руководством, мне насрать. Главное, по ту сторону границы и чтобы после этого бардака выжженная земля осталась.

– Значит, лезем в лабораторию? – Вахрушин не хотел принимать подобные решения самостоятельно. Лучше было получить санкцию от руководства.

– Только аккуратно! – предупредил Вортник. – Лучше через Ворменталья. Кто у нас гений вербовки? Тёркин? Поручите ему.

– Слушаюсь, товарищ генерал-майор.

Добавить боевой алгоритм в программу Профессора и заблокировать её распространение в странах-союзниках было нетрудно. Дело нескольких дней. Ведь микросхема от С500, на которой паразитировал вирус, благодаря военным уже фактически имела данный механизм, нужно было его только немного отредактировать. А вот уболтать Ворменталья сотрудничать выглядело задачей более сложного порядка. Ассистент написал донос за компанию. Догадывался, что другие уже настроили. В Конторе это было принято. Работать напрямую против Профессора он мог и отказаться. Контрразведке Ворменталь ничем не обязан, а реальных рычагов давления на него нет. На дворе ведь не 37-й год.

9.

Как только программисты закончили работу, Тёркин пригласил Ворменталья в свой кабинет. Майор заранее не готовился к вербовке, не использовал никаких заготовок. Предпочитал работать от вдохновения, от импровизации. Вот и сейчас начал с того, что первым пришло в голову.

– На днях встретил знакомую. В кафе заглянули. Сидим, болтаем о том о сём. Я в шутку про глубокий минет упомянул. Не помню уже зачем. Просто пошутил. А она, вдруг выяснилось, курсы закончила. В Москве этому учат. Приходят дамы в класс, садятся за парты, на столах резиновые члены прикреплены. Презервативы натягивают и тренируются. Я удивился. «Как ты там оказалась?» «Подруга подсказала». «Какая подруга?» «Недавно познакомилась». «Где?» Как ты думаешь, Ворменталь, где? Не угадаешь. В Школе Духовного Развития. Можешь представить? Оказывается, и такая в Москве есть.

Тёркин встал, подошёл к шкафу. И вдруг резко смахнул с полки десяток книг. Они шумно и неприятно грохнулись на пол, смятая страницы. Ворменталь от неожиданности дёрнулся. На обложках брошенных томов он разглядел портреты Булгакова и Блаватской.

– А недавно иду в сторону метро и в толпе краем уха слышу чужой разговор. Двое молодых разговаривают. «Типа, у нас с ним были отношения». «Это как?» «Ну, мы поебались, а потом он меня бросил». Такой вот диалог. Мерзкое словечко, правда? Коробит. Я мысленно пробовал заменить на «потрахались». Не подходит. Вся фраза ломается. Словно покурили – никаких отношений в итоге не возникнет. А сказать «у нас был секс», но это как «прошел снег» – нечто безличное. Как ни крути, а правильно – поебались. Выходит, при всей грубости... – Тёркин прервал монолог. Выдержал паузу.

Ворменталь выглядел растерянным.

Майор добавил в голос добродушия:

– Мне нужно, чтобы ты дополнил исходный код вируса Женского вот этим алгоритмом. – И достал из кармана флешку.

Недоверие забилося в зрачках Ворменталья. Майор зашёл к нему сзади и, наклонившись, шепнул:

– Или боишься испортить с Профессором отношения? А может страшно прервать с ним духовную связь?..

Майор работал ювелирно. О его вопросах в Конторе ходили легенды. Подопытный взял флешку и ночью сделал всё, что ему было поручено.

10.

Утром ассистент пришёл на работу, изо всех сил стараясь сохранить беззаботный вид. Через жалюзи полосками пробивался солнечный свет. Дымился кофейник на столе. В углу жужжал сервер. Первая половина дня прошла в делах. Надо было смастерить хитрый гаджет для агента в Южной Корее. Когда пришло время обеда, Филипп Филиппович распорядился постелить скатерть и достать столовые приборы. Профессор никогда не изменял этому порядку.

– «Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца – пламенный мотор», – с довольным видом напел он. – Ворменталь, ты даже не представляешь, что я задумал. Эти пламенные крылья, этот стальной мотор, а кроме того все кофемолки и соковыжималки мира – они все будут управлять человечеством ради своего удовольствия. Это будет феерично.

«Маньяк, – подумал Ворменталь, – правильно я его сдал». Ассистент искал оправдания предательству. Совесть не давала покоя.

Филипп Филиппович нарезал двадцатилетнего пармеджано-риджано и разлил «Бордо» по бокалам:

– Представь себе, это чудо из винограда в пять раз младше этого шедевра из молока. – Профессор с блаженством на лице начал поглощать еду. Он взял кусочек сыра и протянул Ворменталю. Ассистент начал пережёвывать продукт из провинции Парма, сделал глоток французского нектара...

Что-то надломилось в нём. Вкус, которым, казалось, невозможно было насытиться, собрал всё самое совестливое, что было в душе молодого человека. Разве можно обманывать того, рядом с кем ты ощущаешь красоту этой жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.